

К ПРОБЛЕМЕ «ЭГО» РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕФЛЕКСИЯХ РУССКИХ ЭССЕИСТОВ

Л. В. САДИКОВА. ДО ПРОБЛЕМИ «ЕГО» РУСЬКОЇ ЛЮДИНИ У ХУДОЖНІХ РЕФЛЕКСІЯХ РОСІЙСЬКИХ ЕСЕЇСТІВ

Стаття присвячена проблемам «ЭГО» руської людини, художнє засвоєння яких російськими есеїстами завжди супроводжується нерозумінням та неприйняттям. Єретичний за природою есей завжди незручний для суспільства своїми «несвоечасними думками». Виступаючи у ролі «екзистенційного зонду» найскладніших питань буття людини та світу, викликів часу, жанр викликає роздратування та агресію, що довгий час перешикоджало його визнання у російському культурному тексті. Наші дослідження здійснюються у рамках кардинальних змін в уявленнях про статут російського есею, особливостей його становлення та функціонування у російській літературній традиції.

Російська есеїстика освоює реалії російського буття у властивих для російської ментальності боріннях духа та «странствиях русской души» письменників, поетів, філософів. Пошуки відповідей на «проклятые вопросы русской жизни» поєднуються з вирішенням проблем національної самосвідомості та особистісної ідентичності. Утворюються філософські, естетичні, релігійно-етичні концепції та літературознавчі теорії. Новаторські художні рішення проявляються у створенні текстів різноманітної жанрової природи – есей, роман-есею, розповідь-есею, повість-есею, есеїстична проза – та у використанні художніх засобів з опорою на складові національної свідомості.

Ключові слова: російський есей, російська есеїстика, художні рефлексії, особистісна ідентичність, національна самосвідомість.

Л. В. САДЫКОВА. К ПРОБЛЕМЕ «ЭГО» РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕФЛЕКСИЯХ РУССКИХ ЭССЕИСТОВ

Статья посвящена проблемам «ЭГО» русского человека, художественное освоение которых русскими эссеистами всегда сопровождалось непониманием и неприятием современников. Еретический по природе жанр эссе всегда неудобен обществу своими «несвоевременными мыслями». Выступая в роли «экзистенциального зонда» сложнейших вопросов бытия человека и мира, вызовов времени, жанр эссе вызывает раздражение и агрессию, что долгое время препятствовало его признанию в русском культурном тексте. Наше исследование осуществляется в рамках кардинальных изменений в представлениях о статусе русского эссе, особенностях его становления и функционирования в русской литературной традиции.

Русская эссеистика осваивает реалии русской жизни в характерных для русской ментальности борениях духа и «странствиях русской души» писателей, поэтов, философов. Поиски ответов на «проклятые вопросы русской жизни» реализуются в тесной связи с решением проблем национального самосознания и личностной идентичности. Создаются философские, эстетические, религиозно-этические концепции и литературоведческие теории. Новаторские художественные решения проявляются в создании текстов различной жанровой природы – эссе, роман-эссе, рассказ-эссе, повесть-эссе, эссеистическая проза – и использовании художественных приемов с опорой на составляющие национального самосознания.

Ключевые слова: русский эссеист, русская эссеистика, художественные рефлексии, личностная идентичность, национальное самосознание.

L. V. SADYKOVA. TO THE PROBLEM OF RUSSIAN «EGO» IN THE ARTISIC REFLECTIONS OF RUSSIAN ESSAYISTS

This article is devoted to the investigation of problem of Russian mind. Its artistical assimilation by essayistiques masters is always accompanied by misunderstanding and distaking. Essay as a heretical genre is always inconvenient to the society due to its rigidly declared “intimely” thoughts. Being a kind of an «existential probe» to the most complicated issues of human existence and the world, challenges of the day, essay causes irritation and aggression of the society which has for long delayed its recognition in

© Л.В. Садыкова, 2014

the Russian cultural text. Our researches are realized in the context of cardinal changes in the representations of status of essay as a genre, peculiarities of its making and functioning in the Russian literary tradition.

Russian essayists masters realities of the Russian life in the struggles of spirit and “wanderings of the Russian soul” of writers, poets, philosophers characteristic of Russian mentality. Searching for answers to “the accursed questions of Russian life” is realized through a close link with solving of problems of national self-awareness and personal identity. Philosophical, aesthetical, religious-ethical conceptions and literature theories are being developed. Innovative creative solutions are revealed in the creation of texts of different genres – essay, novel-essay, short story-essay, essayistic prose and using of artistic devices resting on the background of the national self-awareness state.

The material for analysis comprises the essayistic texts by K. Batiushkov, N. Gogol, Maxim Gorky, V. Rosanov, Lev Shestov. Reflections on the tragic events taking place in Russia, on the revolution, on the war, the Russian man and his moral nature, on literature and creative work are accompanied by strict criticism and rhetoric of condemnation of the negative in the society and in the man. The principal pathos is the salvation of the man and humanity (the humanistic component of the essay genre) through affirmation of the faith in God and revival of culture.

Key words: Russian essay, Russian essayistics, artistic reflections, personal identity, national self-awareness.

История и теория русского эссе обретают, наконец, свое законное место в научных исследованиях. Отверженный или специально забытый жанр русского эссе пробивает себе дорогу, зачастую вызывая жесткие споры среди ученых относительно его органичности русской литературе [5, с. 6]. Художественная жизнь этого уникального жанра осваивается достаточно успешно литературоведами и лингвистами

(Л. Кайда,

И. Дмитриевский, В. Я. Нагивечене, Н.А. Никулина, И.Г. Новоселова, Л. Руженцева, Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская). Осложняются научные изыскания отсутствием четкой жанровой идентификации эссеистических произведений. Но и эта проблема постепенно решается.

Классику русской эссеистики составляют эссе и эссеистические по своей природе произведения М. Ломоносова, Н. Карамзина, А. Радищева, К. Батюшкова, А. Пушкина, Н. Гоголя, В. Розанова, М. Цветаевой, Льва Шестова, М. Горького, Андрея Белого, К. Паустовского, И. Эренбурга, М. Пришвина, В. Ильина, И. Ильина, В. Набокова, Д. Галковского, А. Гениса, Б. Шрагина, А. Гольдштейна и других. Русскую эссеистику отличают поиски истоков нравственности и ее утверждение через укрепление веры в Бога, ироническая рефлексия «проклятых вопросов русской жизни», гуманистическая составляющая – спасение человека и человечества, пророчества будущего России и русского народа.

«Опыты в стихах и прозе» К. Батюшкова – русский аналог «Опытов» М. Монтеня – философские размышления писателя о проблемах русской жизни в контексте утверждения общечеловеческих ценностей, о русской поэзии и прозе, об искусстве мыслить,

об исторических событиях, о религии и нравственности. Эссе писателя «Нечто о морали, основанной на философии и религии» нацелено на раскрытие представлений писателя о морали и поисках истоков нравственного существования человека. Изящной и утонченной представляется полемика с читателем о постулатах философии эпикурейства и стоицизма в поисках «постоянных нравственных истин в опору своей слабости», что чрезвычайно сложно «посреди развалин еще ужаснейших – всеобщего порядка и посреди страданий всего человечества, во всем просвещенном мире?». Не отрицая положительного опыта каждой из философских систем, К. Батюшков все же настаивает на вере в Бога как единственном источнике нравственности: «Одна вера создает мораль незыблемую». «Признаемся, – пишет он, – что смертному нужна мораль, основанная на небесном откровении, ибо она единственно может быть полезна во все времена и при всех случаях: она есть щит и копье доброго человека, которые не ржавеют от времени» [1, с. 127]

Пророческими суждениями заканчивает свое эссе К. Батюшков: «С зарею наступающего мира, которого мы видим сладостное мерцание на горизонте политическом, просвещение сделает новые шаги в отечестве нашем» [1, с. 139].

Эссеистические студии Н. В. Гоголя – «Арабески», «Выбранные места из переписки с друзьями», «Авторская исповедь», «Рассуждения о Божественной литургии», «Невский проспект» – отличаются новаторскими художественными решениями в осмыслении «проклятых» вопросов русской жизни. Актуализация проблем национальной идентичности определяет проблематику и пафос произведений, ироническая составляющая определяет художест-

венное своеобразие в сочетании с общими жанровыми чертами эссе. Жесткая критика негативных сторон русской жизни сопровождается утверждением истинных положительных черт национального характера через укрепление веры в Бога: «Вооружился взглядом современной близорукости и думаешь, что верно судишь о событиях! Выводы твои – гниль; они сделаны без Бога. Что ссылаешься ты на историю? История для тебя мертва, – и только закрытая книга. Без Бога не выведешь из нее великих выводов; выведешь одни только ничтожные и мелкие. Россия не Франция; элементы французские – не русские. Ты позабыл даже своеобразие каждого народа и думаешь, что одни и те же события могут действовать одинаковым образом и на каждый народ» [2, с. 185].

Саркастические суждения Гоголя о преклонении перед иностранным сопровождаются упреками в отсутствии веры в Бога: «Мысли твои о финансах основаны на чтенье иностранных книг да на английских журналах, а потому суть мертвые мысли. стыдно тебе, будучи умным человеком, не войти до сих пор в собственный ум свой, который мог бы самобытно развиться, а захламостить его чужеземным навозом и непониманием важности веры в Бога» [2, с. 186]. Причины аморальности поступков Гоголь видит в грехе гордыни и неверия в Бога: «Ты горд, и чем же горд? хоть бы уже своим умом; нет, ты загрозил сором свой ум, действительно замечательный и великий, и сделал его чужестранцем самому себе. Ты горд чужим, мертвым умом и выдаешь его за свой. Смотри за собой: ты ходишь опасно <...>. Не будущего, но настоящего опасайся. О настоящем велит нам заботиться Бог. Все мысли твои направлены к тому, чтобы избежать чего святая сила» [2, с. 186].

Свои рассуждения о гибели России и литературе как виновнице ее гибели В. Розанов связывает с Н. Гоголем: «Собственно, никакого нет сомнения, что Россию убила литература. Из слагающих “разложителей” России ни одного нет нелитературного происхождения», – утверждает он и подчеркивает, что «Гоголь остается одним из тех, кто виноват в разложении России», но потом все-таки заявляет: «Прав был этот бес Гоголь»» [4, с. 471].

О судьбе современной России рассуждает в своем сборнике эссе «Несвоевременные мысли» и М. Горький. Его эссеистические произведения представляют собой художественную рефлексию трагических событий, захлестнувших Россию в начале века. Писатель подвергает жесточайшему осуждению войны (в частности, первую мировую войну) и зверства как проявление любой войны. Неприятие писа-

теля вызывает порочная природа политиков-лжепатриотов, преследующих лишь одну цель – достижение власти. Критика Горького распространяется и на продажность журналистов, мнимую свободу слова в тоталитарных государствах. Он обличает разрушительную природу революции и неспособность революционных сил обеспечить реализацию поставленных прогрессивных целей: «На войне необходимо как можно больше убивать людей – такова циническая логика войны»; «...зверство есть нечто вообще свойственное людям, свойство, не чуждое им даже в мирное время» [3, с. 99].; «Третий год мы живем в кровавом кошмаре и – озверели, обезумели»; «Это бессмысленное истребление человека человеком...» [3, с. 99]. Жесткая риторика писателя обращена на людское лицемерие. «А ведь так давно и красноречиво говорилось нам о братстве людей, о единстве интересов человечества. Кто же виноват в дьявольском обмане, в создании кровавого хаоса?», – вопрошает писатель [3, с. 99]. И сам же дает ответ: «...все мы виноваты в этом преступлении, все и каждый» [3, с. 99].

Размышления о русском народе, о русской нации отмечены тревогой за будущее России: «Этот народ должен много потрудиться для того, чтобы приобрести сознание своей личности, своего человеческого достоинства, этот народ должен быть прокален и очищен от рабства, вскормленного в нем, медленным огнем культуры» [3, с. 102]. Размышления об интеллигенции полны горечи, обусловленной ее безучастностью к судьбам России и русского народа: «...если б та часть интеллигенции, которая, убоясь ответственности, избегая опасностей, попряталась где-то и бездельничает, улаживаясь критикой происходящего, если б эта интеллигенция с первых же дней свободы попыталась ввести в хаос возбужденных инстинктов иные начала, попробовала возбудить чувства иного порядка, – мы все не пережили бы множества тех гадостей, которые переживаем» [3, с. 102].

Эссеистика В. Розанова – художественная жемчужина русской эссеистики XX века. «Опавшие листья», «Уединенное», «Апокалипсис нашего времени» отражают эсхатологические настроения писателя и включают его размышления о трагических судьбах России, о революции, о войнах – здесь они перекликаются с размышлениями М. Горького. При различных художественных решениях их объединяет общая риторика протеста против любых форм насилия, неприятия и осуждения зверств, сопровождающих войны и революции. Эмоционально описывает В. Розанов крушение Руси, причинами распада и гибели которой является

гнилость самодержавной системы: «И вот рушилось все, разом, царство и церковь». «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три. Даже “Новое Время” нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей. <...>. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом – буквально ничего» [4, с. 541]. Обвиняет В. Розанов русскую литературу в лице Достоевского и Толстого, Гоголя, Некрасова и Щедрина, которая не смогла перевоспитать русского человека: «Народ рос совершенно первобытно с Петра Великого, а литература занималась только, “как они любили” и “о чем разговаривали”. И все “разговаривали” и только “разговаривали”, и только “любили” и еще “любили”» [4, с. 542]. То есть русская литература формировала в русском человеке еще и лень души. Русские – это люди слова, а не дела. Русский человек лишен практической сметки: «в России нет ни одного аптекарского магазина, т.е. сделанного и торгуемого русским человеком...» [4, с. 543]. Русские ленивы, праздны и жестоки: «Остался подлый народ, из коих вот один, старик лет 60-ти, «и такой серьезный», Новгородской губернии, выразился: “Из бывшего царя надо бы кожу по одному тянуть”. То есть не сразу сорвать кожу, как индейцы скальп, но надо по-русски вырезывать из его кожи ленточка за ленточкой» [4, с. 542]. Здесь эссеистика В. Розанова выступает литературной репликой Н. Гоголю в поисках истоков и утверждения национальной идентичности: жесткой критике и ироническому осмеянию подвергаются русский быт и особенно русское мещанство.

Провокационно выражая отрицательное отношение к русской классической литературе XIX века, В. Розанов восторженно пишет о литературе в общем, возлагая именно на литературу большую степень ответственности за воспитание читателя, формирование его взглядов, вкусов и мнений. Традиционные для писателя контрастные интенции – максимальная открытость, искренность и лиризм – сочетаются с интеллектуальными провокациями как элементом юродства, апофатки, игры с читателем. Историческое и мифологическое модели интерпретации культурной катастрофы, синтез дискурсов при доминировании литературоцентричности оказались востребованы на рубеже XX–XXI столетий и унаследованы Вен. Ерофеевым, Вик. Ерофеевым, М. Эпштейном, Вяч. Пьецухом и др.

«Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления» Льва Шестова – сбор-

ник эссе о проблемах морального и этического порядка, о философских системах, о литературе и писателях, о тех же «проклятых» вопросах русской жизни. В своем эссе «Русский дух» философ стремится выразить чаяния нравственного оздоровления человека и общества, лучшего будущего для страны и русского народа в «плачевные времена» для России. «Итак, нам предстоит выбор между художественной и законченной ложью старой, культурной Европы, ложью, явившейся результатом тысячелетнего трудного и мучительного опыта, и бесхитростной безыскусственной простотой и правдивостью молодой, некультурной России. Она ближе к концу, мы ближе к началу. Но кто ближе к истине?» [6, с. 177]. «Наша доверчивая правдивость, как и европейская риторика, оказывается «по ту сторону истины и лжи. Молодой Восток и старый Запад...» [6, с. 178].

Размышления о мировоззрении сопровождаются как общими теоретическими положениями – «Всякое философское “мировоззрение” стремится, исходя из того или иного разрешения общей проблемы человеческого существования, так или иначе направить нашу жизнь» [6, с. 54] – так и примерами из литературных текстов писателей, манифестирующих их мировоззренческие взгляды: «А. П. Чехов умеет очень хорошо изложить систему, даже несколько систем мировоззрения и не раз это делал в своих рассказах (напр. «Дуэль», где фон Карен говорит точно с кафедры, но он не знает, для какой надобности, кроме литературных» [6, с. 100], «Как известно, Тургенев был реалистом и с первых же своих произведений стремился возможно правдиво изображать жизнь. Писатель стремился припасти мировоззрение, которое в литературе еще до сих пор играет роль волшебного жезла: с его помощью все, что угодно, может обратиться во все что угодно». Большинство тургеневских произведений в этом смысле чрезвычайно любопытны. Тургенев впервые ввел в литературу выражение “лишний человек”. Нет! Без образования, без свободы в обширнейшем смысле – в отношении к самому себе, к своим предвзятым идеям, даже к своему народу, к своей истории – немислим истинный художник; без этого воздуха дышать нельзя» [6, с. 54].

Л. Шестов субъективен в оценках писательского труда и литературы, что выдает в нем литератора, человека, интересующегося проблемами словесности; серьезен, утверждая, что «литература трактует всегда труднейшие и важнейшие вопросы нашей жизни», ироничен, поскольку сравнивает литераторов с прислужниками банкиров [6, 65]; литературоцентричен, ибо рассматривает сквозь призму состояния и

миссии литературы культурные катаклизмы, формулируя заведомо провокационные заявления о литературе, призванные пробудить бурную реакцию читателя, привлечь его к обсуждению проблемы культурной идентичности народа.

Моделируя провокационные диалоги с читателем, философ создает интеллектуальную интригу: он принимает чью-либо точку зрения даже тогда, когда вступает в полемику по каким-то вопросам. Так было с Толстым. Так обстоит дело и с оценкой Гоголя как писателя. Л. Шестов соглашается с обвинением, предъявленным Н. Гоголю В. Белинским по поводу «Переписки с друзьями», в которой писатель «поддался влиянию страха смерти, чертей и ада», и приходит к весьма оригинальному и парадоксальному заключению. Мнение В. Белинского, с которым он абсолютно согласен, совпадает с точкой зрения Шопенгауэра, утверждавшего, что «смерть является вдохновительницей философии». Завершает полемику своим суждением о том, что «все лучшие поэтические создания, вся дивная мифология древних и новых народов имели своим источником боязнь смерти».

Художественные рефлексии философских взглядов Л. Шестова вызвали жесточайшую критику современников, но одновременно отразили *переходное художественное и научное мышление*, неустойчивость былых ориентиров, отказ от схем и канонов: «Вся моя задача состояла именно в том, чтобы раз и навсегда избавиться от всякого рода начал и

концов, с таким непонятным упорством навязываемых нам всевозможными основателями великих и невеликих философских систем. Но незаконченные, беспорядочные, хаотические, не ведущие к заранее доставленной разумом цели, противоречивые как сама жизнь, размышления – разве они не ближе нашей душе, нежели системы, хотя бы и великие системы, творцы которых не столько заботились о том, чтобы узнать действительность, сколько о том, чтобы “понять”» [6, с. 51–52].

Русская эссеистика как сумма текстов агрессивно осваивает вызовы времени, «проклятые вопросы» русской жизни. Она всегда неужодна, но тем более привлекательна и для читателя и для ученых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. – М. : Наука, 1977. – 617 с.
2. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. – М. : Сов. Россия, 1990. – 432 с.
3. Горький Максим. Несвоевременные мысли / М. Горький // Литературное обозрение. – 1988. – №9. – с.99–110.
4. Розанов В. В. Несовместимые контрасты бытия / В. В. Розанов – М. : Искусство, 1990. – 605 с.
5. Садыкова Л. В. Русское эссе XX века. Художественное своеобразие. Динамика жанра: [монография] / Л.В. Садыкова. – Донецк : Норд-Пресс, 2009. – 405 с.
6. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 216 с.